

РАССКАЗЫ О РОДИНЕ

<https://vk.com/club201541634>

Рот маляра перекосялся, и улыбка вылезла из-под рыжих его усов на сухие губы. Должно быть, было приятно ему, но он всё-таки не проснулся. Тогда Васяка предложил приняться за маляра как следует. И мы принялись-таки. Васяка приволок на крышу большую кисть и ведро с краской и выкрасил маляру пятки. Маляр лягнулся и успокоился. Васяка соорудил ражу и продолжал. Он обвел маляру у щиколоток по зелёному браслету, а я осторожно покрасил большие пальцы и ногти.

Маляр сладко похрапывал – должно быть, от удовольствия. Тогда Васяка обвел вокруг маляра широкий «заколдованный круг», присел на корточки и затянул над самым маляровым ухом песенку, которую с удовольствием подхватил и я:

Рыжий красного спросил:
– Чем ты бороду лучил?
– Я не краской, не замазкой,
Я на солнышке лежал!
Я на солнышке лежал,
Кверху бороду держал!

Маляр заворочался и зевнул. Мы притихли, а он повернулся на бок и выкрасился. Шут и вышло. Я махнул в слуховое окошко, а Васяка поскользнулся и попал маляру в лапы. Маляр отстрепал Ваську и грозил скнутить в бедерко, но скоро развеселился, гладил по спине Ваську и приговаривал:

– Я ты не реви, дурашка. Такой же растёт у меня в деревне. Что хозяйской краски извёл, дура... да ещё ревёт!

С того случая маляр сделался нашим другом. Он пропел нам всю песенку про тёмный лес, как срубили сосенку, как «уем-на-ли добра молодца в чуждальнюю сы-то-роуш-ку!...».

Хорошая была песенка. И так жалостливо пел он её, что думалось мне: не про себя ли и пел её? Пел и ещё песенки – про «тёмную ноченьку, осеннюю», и про «берёзынку», и ещё про «поле чистое»...

Впервые тогда, на крыше сеной, почувствовал я неведомый мне дотеле мир – тоски и раздолья, таинщийся в русской песне, неведомо в глубине своей души родного мне народа, нежную и суровую, прикрытую грубым одеянием. Тогда, на крыше сеной, в ворковании сырых голубков, в унылых звуках маляровой песни, приоткрылся мне новый мир – и ласковой и суровой природы русской, в котором душа тоскует и ждёт чего-то. Тогда-то, на ранней моей поре, – впервые, быть может, – почувствовал я силу и красоту народного слова русского, близость его, и ласку, и раздолье. Просто пришло оно и ласково легло в душу. Потом – я познал его: крепость его и сладость. И всё узнаю его...

Константин Ушинский

Наше отечество

Наше отечество, наша родина – матушка Россия. Отечеством мы зовём Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши.

Родиной мы зовём её потому, что в ней мы родились. В ней говорят родным нам языком, и всё в ней для нас родное; а матерью – потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку, как мать она защищает и бережёт нас от всяких врагов.

Велика наша Родина-мать – свято-русская земля! От запада к востоку тянется она почти на одиннадцать тысяч вёрст; а от севера к югу на четыре с половиною.

Не в одной, а в двух частях света раскинулась Русь: в Европе и в Азии... Много есть на свете, и кроме России, всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать – одна у него и родина.

Михаил Пришвин

Моя родина (Из воспоминаний детства)

Мать моя вставала рано, до солнца. Я однажды встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перелёсок. Мать угостила меня чаем с молоком.

Молоко это кипятилось в глиняном горшочке и сверху всегда покрывалось румяной пенкой, а под этой пенкой оно было необыкновенно вкусное, и чай от него делался прекрасным.

Это угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я начал вставать до солнца, чтобы напиться с мамой вкусного чая. Мало-помалу я к этому утреннему вставанию так привык, что уже не мог проспать восход солнца.

Потом и в городе я вставал рано, и теперь пишу всегда рано, когда весь животный и растительный мир пробуждается и тоже начинает по-своему
★ работать.

Вторым и важным признаком весны-лета было появление рыжего маляра, от которого пахло самой весной – замазкой и красками. Маляр приходил выставлять рамы – «впущать весну» – наводить ремонт. Он появлялся всегда внезапно и говорил мрачно, покачиваясь:

– Ну, и где у вас тут чего?..

И с таким видом выхватывал стамески из-за тесёмки грязного фартука, словно хотел зарезать. Потом начинал драть замазку и сердито мурлыкать под нос:

И-ах и тём-м-най ле-со...

Да йе-хх и тём-м-на-ай...

Я старался узнать, что дальше, но суровый маляр вдруг останавливал стамеску, глотал из жёлтой бутылочки, у которой на зелёном ярлычке стояло «полипура», плевал на пол, свирепо взглядывал на меня и начинал опять:

Ах-ехх и в тём-м-на-ам ле...

Да и в тём... м-м-м-м!

И пел всё громче. И потому ли, что он только всего и пел, что про темный лес, или потому, что вскрикивал и вздымал, взглядывая свирепо исподлобья, – он казался мне очень страшным.

Потом мы его хорошо узнали, когда он отпаскал моего приятеля Васю за волосы. Так было дело.

Маляр поработал, пообедал и завалился спать на крыше сеней, на солнышке. Помурлыкав про тёмный лес, где «сы-тая-ла ах да и со-сенка», маляр заснул, ничего больше не сообщив. Лежал он на спине, а его рыжая борода глядела в небо. Мы с Васькой, чтобы было побольше ветру, тоже забрались на крышу – пускать «мсаха». Но ветру и на крыше не было. Тогда Васька от нечего делать принялся щекотать соломинкой голые маляровы пятки. Но они были покрыты серой и твёрдой кожей, похожей на замазку, и маляру было ничоём.

Тогда я наклонился к уху маляра и дрожащим тоненьким голосом зашел:

И-ах и в тём-м-ном ле-э...

И часто-часто я думаю: что, если бы мы так для работы своей поднимались с солнцем! Сколько бы тогда у людей прибыло здоровья, радости, жизни и счастья!

После чаю я уходил на охоту за перелётками, свистунами, соловьями, кузнечиками, горлишками, бабочками. Ружья тогда у меня ещё не было, да и теперь ружьё в моей охоте необязательно.

Моя охота была и тогда и теперь – в находках. Нужно было найти в природе такое, чего я ещё не видел, и может быть, и никто ещё в своей жизни с этим не встречался...

Хозяйство моё было большое, тропы бесчисленные.

Мои молодые друзья! Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять – их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода – будем охранять наши водоёмы.

В лесах, степях, горах разные ценные животные – будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе – вода, птице – воздух, зверю – лес степь, горы.

А человеку нужна родина. И охранять природу – значит охранять родину.

Иван Шмелёв

Русская песня

Я с нетерпением поджидал лета, следя за его приближением по хорошо мне известным признакам.

Самым ранним вестником лета являлся полосатый мешок. Его вытягивали из сероюного сундука, пропитанного запахом камфары, и вываливали из него груды парусиновых курточек и штанишек для примерки. Я подолгу должен был стоять на одном месте, снимать, надевать, опять снимать и снова надевать, а меня поворачивали, закалывали на мне, припускали и отпускали – «на полвершочка».

Я потел и вертелся, а за не выставленными ещё рамами качались тополявые ветки с золотившимися от жлея почками и радостно голубело небо.

